

Рассмотрен вопрос о том, всегда ли законодатель должен учитывать общественное мнение. Предварительно проанализированы проблемы определения понятия общественного мнения: проведено различие между тем, что люди думают, говорят и делают. В контексте руссоистского разграничения «общей воли» и «воли всех» сформулирована собственная позиция относительно общественного мнения. Доказано, что и общественное мнение, и действующее законодательство не всегда справедливо, при этом справедливость как общественный идеал имеет приоритет и над тем, и над другим. Отсюда сделан вывод, что законодательство, будучи формой стремления к справедливости, не всегда должно учитывать общественное мнение. Одновременно обоснована практическая значимость учета общественного мнения в контексте реализации идеала справедливости, выявления действительных потребностей членов общества, а также морального обоснования ценностей и определения лиц, уполномоченных на такое обоснование. Проведено разграничение между общественным мнением и моральной позицией общества. Законодателю, как утверждается, следует учитывать и то, и другое, но по разным причинам и с различными целями.

Ключевые слова: общественное мнение; законность; справедливость; законодательство; право; мораль; нравственность.

Николай Александрович Шавеко, канд. юрид. наук,
старший научный сотрудник, Удмуртский филиал
Института философии и права Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия;
Shavekonikolai@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Введение

В современной юридической науке активно обсуждается вопрос о том, должен ли (и всегда ли, при каких обстоятельствах и т.п.) законодатель учитывать общественное мнение? При этом, зачастую, следованию общественному мнению противопоставляется принцип целесообразности, под которым авторы понимают (правда, не всегда это в достаточной мере эксплицируют) стремление к некоторому базовому идеалу, отличному от общественного мнения. Поскольку сам этот идеал может пониматься различно (кантиански, утилитаристски, аристотелиански и т.п.), постольку и целесообразность оказывается размытым понятием. Полагаем, что уместнее говорить о соотношении общественного мнения и справедливости.

Так или иначе, должны сразу оговорить, что мы понимаем под общественным мнением. И здесь сразу всплывает давно подмеченное социологами различие между тем, что люди говорят, и тем, что они делают; при этом действительные убеждения людей могут по самым разным причинам не совпадать ни с тем, ни с другим [3, с. 397 – 391]. Например, в середине XX века в США был проведен социальный опрос, в котором американцам предполагалось ответить на два вопроса: 1) созданы ли все люди равны-

ми?; 2) равны ли негры и белые? В северных штатах на первый вопрос положительно ответило 79 %, однако на второй лишь 21 %; в южных штатах цифры были соответственно 61 и 4 %. Такой результат объясняется тем, что респонденты не хотели высказываться против общепризнанной идеологии равенства, тогда как в душе не готовы были ее принять [18, с. 183]. Сказанное можно продемонстрировать и на примере восприятия коррупции в российском обществе. Данная проблема, с одной стороны, в достаточной мере осознается обществом: ей посвящено множество общественных дебатов и научных трудов, социальные опросы показывают понимание людьми таких негативных последствий коррупции, как замедление экономического роста и усиление социального неравенства. С другой стороны, по оценкам международной неправительственной организации Transparency International уровень озабоченности российских граждан проблемами коррупции является одним из самых низких в мире (с 2007 г. Россия занимает в соответствующем рейтинге места с 119 по 154, соседствуя с такими странами, как Того, Мавритания или Уганда¹). Сказанное означает, что упомянутые научные и социальные дискуссии о вреде коррупции – не более чем лицедейство, следование модному тренду, на самом же деле многие граждане России не готовы отказаться от дачи взятки там, где это сулит им быстрое решение проблем, а от получения взятки их удерживает не мораль, а страх юридической ответственности². По всей видимости, при анализе общественного мнения с точки зрения его значимости для теории справедливости мы должны исходить именно из реальных убеждений людей, обеспечивающих их предрасположенность к конкретной деятельности, хотя законодатель, конечно, для обеспечения более эффективного правового регулирования, должен принимать во внимание любые фактические слова и действия народных масс.

Обсуждение

Но должны ли мы различать простую совокупность различных убеждений и убеждение общества в целом? Данное разграничение берет свое начало еще у Руссо, который противопоставлял общую волю и волю всех. Он писал: «Часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая – интересы частные и представляет собой лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля» [14, с. 170]. Вместе с тем, указанное разграничение с самого начала вызывало обоснованную критику. Ведь вполне возможно, что даже если граждане достаточно осведомлены, никем не принуждаемы и не стремятся с помощью голосования пролоббировать свой частный интерес, исключение взаимно уничтожающих крайностей не даст нам ровным счетом ниче-

¹ Transparency International: интернет-сайт. URL: <http://www.transparency.org/research/cpi> (дата обращения: 02.02.2020).

² См. Результаты опроса ВЦИОМ от 04.07.2006. URL: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2850.html>. Или же схожие результаты за 2018 г. по данным исследования ВШЭ. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/10/16/issledovanie-pokazalo-chtorossiyane-vse-uvazhitelnee-otnosyatsya-k-korrupcii.html> (дата обращения: 02.02.2020).

го. Другие мыслители полагают, что в обществе публично высказываются самые различные точки зрения, и только «путем их столкновения формируется доминирующее течение общественного мнения, часто называемое попросту общественным мнением» [3, с. 396]. С точки зрения данного подхода, изначально преобладающие в количественном отношении взгляды могут не совпадать со сформировавшимся на основе всех имеющихся взглядов общим мнением. Это связано, помимо прочего, с тем, что человек в различных ситуациях проявляет себя то как член гражданского общества, то как член политического союза (гражданин), а именно: сначала его мнение основывается на понимании своих частных интересов, но после соотношения их с другими частными интересами у него вырабатывается иное мнение, основывающееся на его представлениях уже об общественном интересе. Правда, в таком случае не ясно ни то, каков уровень общественных дебатов должен иметь место, чтобы общественное мнение вообще сформировалось, ни то, как на практике различить частное и гражданское мнение одного и того же человека. Поэтому, по всей видимости, общественным мнением следует считать широко распространенное в обществе мнение, то есть такую совокупность частных мнений, которая свойственна большинству представителей исследуемой социальной группы.

Анализ показывает, что по вопросу соотношения законов и общественного мнения сегодня в науке сложились *две противоположных позиции*.

Первая состоит в представлении о том, что в периоды социальной нестабильности, когда общественное мнение возбуждено и крайне неустойчиво, изучать его надо «лишь для того, чтобы учитывать как ограничивающий фактор, который надо знать, чтобы убеждать, воспитывать, избегать взрывов». В такие моменты гораздо важнее, считают сторонники данной позиции, «наличие компетентных людей, способных принимать квалифицированные решения» [8, с. 157].

На это справедливо возражают (*вторая позиция*), что в прошлом веке российское государство уже имело опыт пребывания у власти «компетентных людей», занимавшихся «убеждением и воспитанием граждан», вместо того чтобы считаться с их мнениями, и этот опыт вряд ли можно назвать удачным. Сохраняя сам принцип такого подхода, мы рискуем снова совершить те же ошибки, а именно неверно отразить в законе общественный интерес, и навязывать этот закон с помощью репрессивных механизмов [13, с. 780]. Поэтому правотворчество необходимо осуществлять в соответствии с общей волей народа.

На наш взгляд, обе представленные точки зрения содержат в себе рациональное зерно.

Прежде всего, не следует забывать, что общественное мнение народа может неправильно отражать его действительные потребности. Так, в условиях социальных потрясений общественное мнение нестабильно и легкоуправляемо, и потому неразумно ставить его во главу угла. Также и в условиях острой необходимости социальных реформ, неосуществление которых грозит в будущем резким ухудшением благосостояния общества, общественное мнение может оказаться неготовым к переменам, и поэтому правильнее будет изменять его, а не потакать пагубным устоям. Можно привести примеры из российской истории. Так, в начале XX века государ-

ственная власть в России пришла к четкому осознанию неэффективности сельской общины как хозяйственной единицы и необходимости во благо нормального экономического развития страны разрешить крестьянам свободный выход из общины (на хутор или на отруб) [2, с. 213–214; 7, с. 577]. Однако общинные крестьяне крайне негативно относились к тем, кто воспользовался предоставленным правом на выдел [10; 16, с. 264]. Таким образом, подавляющее большинство населения страны негативно относилось к целесообразной по своей сути правовой норме. Другой пример имел место в СССР. Конституция СССР 1977 года устанавливала, что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС). В литературе утверждается, что «долгие годы эта формулировка разделялась и поддерживалась подавляющим большинством граждан» [11, с. 70]. В то же время известно, что командная экономика, поддерживаемая КПСС, к тому времени уже обнаружила свою принципиальную неэффективность, а сам партийный аппарат становился все более коррумпированным. То есть, большинство людей поддерживало нецелесообразную правовую норму. В обоих случаях, как мы полагаем, имеет место неверное осознание людьми своих же собственных интересов. Резюмировать можно словами А. Гамильтона, который выразился о соотношении общественного мнения и мнения членов представительного органа власти: «Когда интересы людей расходятся с их склонностями, долг лиц, назначенных быть хранителями этих интересов, воздержаться от преходящих заблуждений, дать время и возможности для хладнокровных и уравновешенных размышлений» [15, с. 468].

Кроме того, как пишет С. С. Алексеев, «необходимо с должной строгостью отдавать ясный отчет в том, что негативные стороны характерны не только для юридического регулирования..., но в не меньшей мере и для морали... Наряду с общепринятой и передовой моралью существует и порой сохраняет крепкие позиции мораль отсталая, архаичная, фиксирующая порядки, отвергнутые историей и прогрессом» [1, с. 213]. Вышеприведенные примеры лояльного отношения к коррупции в современной России или лояльного отношения к расовой дискриминации в США в середине XX века показывают верность данного тезиса. Моральное разложение в Древнем Риме конца республиканского периода и в России начала 1990-х гг. также может рассматриваться как его подтверждение. В результате, мы получаем еще один аргумент против безусловного учета общественного мнения, даже если оно квалифицировано и не является следствием политтехнологических манипуляций. Мы видим, что население лояльно относится к коррупции, но означает ли это, что менять общественное мнение и общественную мораль не следует? Отнюдь. То же самое относится и к другим проблемам морали российского общества. Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин отмечал, в частности, nepотизм (кумовство) и экстремистское правосознание [6, с. 17]. Таким образом, законодательство не всегда должно отражать общественную мораль; в некоторых ситуациях оно призвано менять ее возможными мерами.

Традиция критики общественного мнения проходит через все Новое и Новейшее время (от Бэкона до Липпмана). Мы лишь обратим внимание на

предложенную в середине XX века Э. Фроммом (1900 – 1980) концепцию социального характера. Данный автор писал, что причины, по которым социум может неправильно осознавать свои действительные потребности и интересы, связаны с объективными внешними условиями и с той социальной системой, которая является ответной реакцией на эти условия. Любой член общества изначально воспитывается так, чтобы иметь возможность функционировать в соответствии с требованиями устоявшейся социальной системы. Семья, являясь агентом общества, заботится о том, чтобы ребенку с раннего детства хотелось действовать именно так, как он должен действовать. В результате, согласно Фромму, вырабатывается так называемый «социальный характер», то есть доминирующая в обществе ценностная ориентация. При этом не соответствующие сложившимся ценностям мысли и чувства у большинства членов общества вытесняются в бессознательное. Это означает, что данные мысли и чувства будут отрицаемы под любым предлогом, поскольку их допущение означало бы вызов всему обществу и его системе. Однако если объективные условия меняются, возникает необходимость изменить как социальную систему, так и соответствующие ей ценности. И в этом случае большинство членов общества, скорее всего, окажется неготовым к таким переменам, всячески отрицая их значимость; доминирующее общественное мнение будет противоречить общественным интересам [17, с. 85 – 160]. На этом, собственно, и основывается марксистская критика современного общества потребления, поскольку каждый человек в нем пытается пробудить в другом человеке надуманные вожелания, и в итоге взаимный обман становится смыслом жизни [12, с. 128–129]. Это, в свою очередь, ведет к вечному недовольству и повсеместному эгоизму, поэтому капитализм, согласно Марксу, априори не может сделать людей счастливыми, не служит общему благу. Однако сложившаяся система ценностей не позволяет людям осознать этого.

Итак, законы действительно не всегда должны соответствовать общественному мнению. Говоря обобщенно, законы должны ориентироваться не столько на общественное мнение, сколько на общественные потребности и интересы, понятые в русле идеи справедливости (равенства). «Ведь в конечном итоге законодателю нужно не мнение (даже если это и общественное мнение), а знание, точнее – достоверное знание о тех социальных потребностях и интересах, которые скрываются за теми или иными мнениями» [13, с. 786]. Иными словами, общественное мнение имеет не нормативное значение, а значение некоторого маркера. Конечной целью как права, так и морали и других социальных регуляторов является справедливость, которая отвечает на вопрос о том, какие именно потребности и интересы следует удовлетворять и защищать, а какие нет. В юридической литературе, поэтому, верно отмечается, что ответственные депутаты – суть те, которые «интересуются не только тем, что люди думают сегодня, но и тем, как изменить их установки, убедить согласиться с тем, с чем они сейчас не согласны, принять закон, пусть даже он сегодня кажется неприемлемым» [9]. Именно этот подход в большей степени соответствует традиции русской философии права. Так, С. И. Гессен рассматривал общую волю народа не как готовую сущность, которую отображает представи-

тельный орган, а «как цель или как задание политического действия. Задача всякого акта государственной власти и заключается в том, чтобы создавать общую волю, искать ее путем непрерывного сглаживания интересов, путем отказа отдельных общественных групп от одностороннего господства в обществе их интересов, исключая все другие» [4, с. 200]. Демократия, по Гессену, нужна для того, чтобы закон, путем вовлечения в процесс создания общей воли всех групп и слоев, стал действительным социальным компромиссом, а не инструментом господства какого-то одного класса. Следовательно, теоретически даже в демократическом обществе законы должны соответствовать идеалу правового государства. Таким образом, именно справедливость, а не общественное мнение, имеет приоритет. Поэтому если в той или иной ситуации законодательство в большей степени, чем общественная мораль, отражает идею справедливости, то оно однозначно имеет приоритет перед ним.

Ранее было сказано о том, что рациональное зерно присутствует и в позиции необходимости учета общественного мнения при законотворчестве. Рассмотрим теперь и эту позицию. Вообще, ее критика в юридической литературе основана, как правило, на том допущении, что результаты политических выборов правильно отображают долгосрочное общественное мнение, поэтому избранные населением органы не обязаны учитывать какие-либо иные разрозненные сиюминутные мнения [13, с. 783]. Однако при этом не учитывается, *во-первых*, что при голосовании на выборах люди нередко заботятся лишь о своих личных интересах, не имея внятной публичной политической позиции, а *во-вторых*, сами избранные представители власти зачастую выражают не публичный, а частный интерес. *Первый* из названных аспектов может проявляться, в частности, в голосовании представителей меньшинств за ту или иную партию лишь по причине поддержки ей этого меньшинства, в голосовании за кандидата той же расы лишь по причине его расы, в голосовании определенным образом под угрозой увольнения с работы или, напротив, в связи с обещанными карьерными перспективами или денежным вознаграждением, в агитации за того, а не иного кандидата лишь потому, что он предложил больший, чем его конкуренты, гонорар и т.д. *Второй* аспект имеет место, поскольку каждый избранный депутат естественным образом стремится использовать новую должность для реализации своих личных интересов, парламент всегда испытывает сильное влияние лоббистов, правящие партии и должностные лица выполняют свои предвыборные обещания и программы лишь постольку, поскольку это необходимо для переизбрания (а это не так много с учетом подконтрольности им, как правило, избирательных комиссий и основных СМИ). Распространенность вышеперечисленных ситуаций хорошо известна и настолько очевидна, что не требует подробного обоснования. Уже поэтому позиция, согласно которой представительный орган всегда верно отражает общественное мнение, не выдерживает критики. Поэтому учитывать общественное мнение представительному органу все же имеет смысл.

Существуют веские причины делать это.

Во-первых, общественное мнение в принципе является важным индикатором потребностей общества, и потому должно всесторонне учиты-

ваться законодателем, в том числе посредством опросов населения, публичных слушаний по социальным проблемам, обсуждений особо значимых законопроектов. «Как бы ни было возбуждено и неустойчиво общественное мнение, за ним всегда стоят объективные потребности общественной жизни. Зачастую эти потребности могут быть неосознаваемы самими носителями общественного мнения, представлены в суждениях общественного мнения в завуалированном и просто искаженном виде. Однако если за изменчивыми и внешне противоречивыми высказываниями и оценками общественного мнения исследователям удастся увидеть пульсацию жизненных интересов... то они получают информацию, которая необходима для создания законов, отвечающих действительным потребностям общественного развития» [13, с. 786]. Речь здесь идет снова об общественном мнении как маркере потребностей, проблем и интересов отдельных социальных групп. Но более важен другой вопрос – как обойтись с этими проблемами, потребностями и интересами с точки зрения справедливости. Имеет ли здесь общественное мнение хоть какое-то значение? Следующие два аспекта соотношения законодательства и общественного мнения призваны ответить на данный вопрос.

Итак, *во-вторых*, стоит отметить, что даже, казалось бы, разумный закон, противоречащий общественным устоям, может вызвать резкое неприятие со стороны населения, в результате чего рискует оказаться всего лишь декларацией и не получить должного применения. Руссо писал: «Когда обычаи уже установились и предрассудки укоренились, опасно и бесполезно было бы пытаться их преобразовать» [14, с. 182]. И хотя данное утверждение спорно, ведь отсутствие борьбы с предрассудками может означать согласие с несправедливостью, доля истины в нем все же есть. При принятии законов следует тщательно продумывать как принудительные, так и поощрительные механизмы его реализации, а также проводить соответствующую работу по просвещению населения. Однако, если указанные механизмы не приводят к положительному результату, этого нельзя ставить обществу в вину. Ибо социальный характер, обусловленный традиционным укладом, является мощнейшим и объективным фактором общественного развития. Спонтанный социальный порядок (по выражению Ф. фон Хайека), который он рождает, может прямо противоречить принципу рациональности [6, с. 17]. В современной юридической литературе, в частности, утверждается, что выполнение правовых норм в значительной мере обуславливается тем, в какой мере они соответствуют обычаям, морали и ценностям общества. Г. В. Мальцев пишет: «Правовой способ регуляции общественных отношений... теряет значительную часть своей силы в изоляции от других регулятивных форм» [13, с. 101]. А. Б. Венгеров также отмечает, что «причины многих правонарушений коренятся в несоответствии конкретных законов... исторически сложившимся пластам духовной жизни, стереотипам поведения» [2, с. 553–554]. С учетом этого представляется, что закон, который в принципе невозможно применить из-за неприятия его обществом, либо сеющий в общество разрушительную смуту, априори не является правильным. Формально его содержание может быть справедливым, но если он не имеет должных ме-

ханизмов реализации, его справедливость оказывается «половинчатой», могущей принести лишь вред.

Наконец, *в-третьих*, общественное мнение важно потому, что в вопросах справедливости сложно найти однозначные ответы. Наиболее распространенными в научной литературе является мнение, согласно которому мнение экспертов должно касаться лишь средств достижения основных целей общества, но при этом никто не вправе указывать человеку саму цель, поскольку не существует «экспертов по ценностям» [20, с. 280, 288]. Но даже если данное мнение ошибочно, и «эксперты по ценностям» существуют, никогда нельзя быть точно уверенным в том, кто именно является экспертом. Отсюда – важность не только постоянных дискуссий в обществе, но и связи этих дискуссий с законодателем. Соответственно, развитие демократических институтов, учет общественного мнения по важным вопросам политической повестки, взаимодействие гражданского общества и государственной власти – все это оказывает неоценимую услугу делу справедливости. Отход от общественного мнения при законотворчестве усиливает роль государственного принуждения, которое, в свою очередь, не всегда строго отделено от насильственного произвола. Конечно, само по себе мнение большинства не является определяющим для справедливости. Так, главная идея справедливости – принцип равенства или беспристрастности – нами постулируется таким образом, что она была бы действительна даже в отсутствие сложившегося и весьма широкого консенсуса вокруг нее. Этим консенсусом мы обосновываем лишь значимость ее разработки применительно к различным сферам общественной жизни, но не саму эту идею. И все же учитывать общественное мнение важно для того, чтобы сделать поиск справедливости более объективным.

Однако в этом случае мы, по всей видимости, должны учитывать не столько общественное мнение, сколько моральную позицию общества. Разграничение этих двух понятий предоставил Р. Дворкин. Он убеждал, что моральной позицией является то, что человек может аргументировать, но не всякое обоснование считается надлежащим. Так, автор выделял предубеждения (когда мы осуждаем людей за то, что от них не зависит, например, негативно относимся к чернокожим или гомосексуалистам), эмоциональные реакции (не все, что вызывает неприязнь, является безнравственным, так как именно норма нравственности должна определять эмоциональную реакцию, а не наоборот), фактические ошибки (умозаключения, не соответствующие принятым в обществе стандартам рациональности) и ссылки на мнение других лиц («большинства»). Использование в аргументации предубеждений, эмоций, рационализаций или ссылок на мнение других лиц обычно не считается убедительным. Кроме того, ссылки на какие-либо основания не могут быть противоречивыми (например, если мы ссылаемся на авторитет Библии в одной ситуации, было бы логично учитывать ее и в других ситуациях). Следовательно, не следует путать предубеждения, рационализации и негативные реакции большинства, их непродуманные высказывания с общественной моралью [5, с. 336–342]. Отсюда, законодатель может следовать общественной морали, но при этом идти вразрез с общественным мнением. Р. Дворкин пишет: «Законодателя, который отказывается видеть в широко распространенных проявлениях негодования, нетерпимости и отвращения моральную позицию общества,

нельзя обвинять в моральном высокомерии. Он не просто противопоставляет свои просвещенные взгляды взглядам широкой публики, которая их не приемлет. Он делает все возможное, чтобы утвердить особую и принципиально важную часть общественной морали» [5, с. 345].

Подобное разграничение, в свою очередь, ставит вопрос о том, насколько допустимо с моральной точки зрения поведение, противоречащее общественному мнению в области морали. С точки зрения Дворкина получается, что такое поведение не всегда означает нарушение общественной морали. Но, как представляется, это делает ситуацию неоправданно запутанной. Логичнее было бы все же говорить о нарушении общественной морали в случае, если соответствующее поведение не соответствует морально должному, по мнению большинства членов общества. В свою очередь, то разграничение, которое предложил Дворкин, будет уместно лишь при рассмотрении узкой проблемы соотношения общественного мнения и справедливости. Соответственно, поступок вопреки общественному мнению формально аморален, но вместе с тем общество получает сигнал о необходимости пересмотра существующей морали и выработки того, что Дворкин и назвал моральной позицией общества.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Общественное мнение не всегда справедливо. Законодательство также не всегда справедливо. Справедливость имеет приоритет и над тем, и над другим. Следует различать общественное мнение и моральную позицию общества. Законодателю следует учитывать и то, и другое, но по разным причинам и с различными целями. В условиях социальных потрясений, острой необходимости социальных реформ и в других случаях, когда общественное мнение неадекватно отражает общественный интерес, а также в случаях, когда оно явно несправедливо, как отдельному индивиду, так и законодателю в некотором смысле дозволено преступать через него. В то же время необходимо помнить, что общественное мнение – важный индикатор потребностей общества, и отступление от него должно быть умеренным и обоснованным. При принятии противоречащего общественному мнению закона нужно учитывать возможную реакцию общества на него: не исключено, что последняя принесет вред больший, чем польза указанного закона (вызовет массовый правовой нигилизм, социальные протесты и т.п.). В свою очередь учет моральной позиции общества является важной защитой против сползания политического режима в тоталитаризм.

Список литературы

1. **Алексеев С. С.** Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2001. 752 с.
2. **Венгеров А. Б.** Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005. 608 с.
3. **Вятр Е.** Социология политических отношений: пер. с польского / Под ред. и с предисл. Ф. М. Бурлацкого. М.: Прогресс, 1979. 463 с.
4. **Гессен С. И.** Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 812 с.
5. **Дворкин Р.** О правах всерьез / Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой; ред. Л. Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с.

6. **Зорькин В. Д.** Право эпохи модерна // Рос. газ. 2010. № 5217 (138).
7. **История** России с древнейших времен до наших дней: учебник / Под ред. А. П. Сахарова. М.: Проспект, 2011. 768 с.
8. **Карцева И.** Общество, лишённое мифов: Изложение содержания доклада В. Э. Шляпентоха в Институте социологии АН СССР // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 157.
9. **Кибак И. А.** Общественное мнение и законотворческая деятельность // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 3. С. 15 – 20.
10. **Козлов С.** Проснувшаяся деревня: Столыпинские аграрные реформы в Центрально-Нечерноземной России 1907 – 1914 гг. // История. 2007. № 12. С. 6 – 15.
11. **Лившиц Р. З.** Теория права: учебник. М.: Бек, 1994. 208 с.
12. **Маркс К., Энгельс Ф.** Экономическо-философские рукописи 1844 года // Соч. Т. 42. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 41 – 174.
13. **Проблемы** общей теории государства и права / Под ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2004. 832 с.
14. **Руссо Ж.-Ж.** Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
15. **Федералист.** Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева, коммент. О. Л. Степановой. М.: Прогресс – Литера, 1994. 592 с.
16. **Федоров В. А.** История России, 1861 – 1917: учеб. для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2000. 384 с.
17. **Фромм Э.** По ту сторону порабащивающих нас иллюзий. Дзен-буддизм и психоанализ / Пер. с англ. Т. В. Панфиловой, Э. А. Гроссман. М.: АСТ, 2010. 320 с.
18. **Сумерки богов** / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. 398 с.
19. **Хингибидзе Ц. Ч., Горозия В. Е.** Маркузеанская критика западной цивилизации // Человек. Государство. Глобализация: сб. философских ст. / Под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. Вып. 3. С. 279 – 295.
20. **Хеффе О.** Есть ли будущее у демократии? О современной политике / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М.: Дело, 2015. 328 с.

References

1. **Alekseyev S.S.** *Voskhozhdeniye k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to the law. Searches and solutions], Moscow: NORMA, 2001, 752 p. (In Russ.).
2. **Vengerov A.B.** *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law: textbook], 2nd ed. Moscow: Omega-L, 2005, 608 p. (In Russ.).
3. **Vyatr Ye., Burlatskogo F.M. (Ed.)** *Sotsiologiya politicheskikh otnoшений* [Sociology of political relations], Moscow: Progress, 1979, 463 p. (In Russ.).
4. **Gessen S.I.** *Izbrannyye sochineniya* [Selected works], Moscow: ROSSPEN, 1999, 812 p. (In Russ.).
5. **Dvorkin R., Makeyeva L.B. (Ed.)** *O pravakh vs'er'yez* [Seriously about rights], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, 392 s. (In Russ.).
6. **Zor'kin V.D.** *Rossiskaya gazeta*. 2010, no. 5217 (138). (In Russ.).
7. **Sakharov A.P. (Ed.)** *Istoriya Rossii s drevneyshikh времен do nashikh dney* [History of Russia from ancient times to the present day: textbook]. Moscow: Prospekt, 2011, 768 p. (In Russ.).
8. **Kartseva I.** [A society devoid of myths: Presentation of the content of the report by V. E. Shlapentokh at the Institute of Sociology of the USSR Academy of Sciences], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 1991, no. 1, pp. 157. (In Russ.).
9. **Kibak I.A.** [Public opinion and legislative activity], *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2011, no. 3, pp. 15-20. (In Russ.).
10. **Kozlov S.** [The awakened village: Stolypin's agrarian reforms in Central Non-Black Earth Russia 1907-1914], *Istoriya* [History], 2007, no. 12, pp. 6-15. (In Russ.).
11. **Livshits R.Z.** *Teoriya prava* [Theory of law: textbook]. Moscow: Bek, 1994, 208 p. (In Russ.).

12. **Marks K., Engel's F.** *Ekonomicheskoye i filosofskoye rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844], *Sochineniya* [Works], v. 42. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974, pp. 41-174. (In Russ.).
13. **Nersesyants V.S. (Ed.)** *Problemy obshchey teorii gosudarstva i prava* [Problems of the general theory of state and law], Moscow: NORMA, 2004, 832 p. (In Russ.).
14. **Russo Zh.-Zh.** *Traktaty* [Treatises], Moscow: Nauka, 1969, 704 p. (In Russ.).
15. **Yakovlev N.N. (Ed.)**. *Federalist. Politicheskiye esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* [Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay], Moscow: Progress-Litera, 1994, 592 p. (In Russ.).
16. **Fedorov V.A.** *Istoriya Rossii, 1861 – 1917* [History of Russia, 1861-1917: textbook]. Moscow: Vysshaya shkola, 2000, 384 p. (In Russ.).
17. **Fromm E.** *Po tu storonu poraboshchayushchikh nas illyuziy. Dzen-buddizm i psikhoanaliz* [Beyond the illusions that enslave us. Zen Buddhism and Psychoanalysis], Moscow: AST, 2010, 320 p. (In Russ.).
18. **Yakovlev A.A. (Ed.)**. *Sumerki bogov* [Twilight of the gods], Moscow: Politizdat, 1990, 398 p. (In Russ.).
19. **Khintibidze Ts.Ch., Goroziya V.Ye.** [Marcusean criticism of Western civilization], *Chelovek. Gosudarstvo. Globalizatsiya* [Person. State. Globalization: a collection of philosophical articles]: sb. filosofskikh st. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2005, Issue 3, pp. 279-295. (In Russ.).
20. **Kheffe O.** *Yest' li budushcheye u demokratii? O sovremennoy politike* [Does democracy have a future? On modern politics], Moscow: Delo, 2015, 328 p. (In Russ.).

Public Opinion and Justice

N. A. Shaveko, *Cand. Sci. (Law), Senior Researcher,
Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia;
Shavekonikolai@gmail.com*

The article considers the question of whether the legislator should always take into account public opinion. The problems of defining the concept of public opinion are considered: a distinction is made between what people think, say and do. In the context of the Rousseauist distinction between the "common will" and the "will of all", one's own position regarding public opinion is formulated. Further, it is proved that both public opinion and the current legislation are not always fair, while justice as a social ideal takes precedence over both. Hence, it is concluded that legislation, being a form of striving for justice, should not always take into account public opinion. At the same time, the practical significance of taking into account public opinion in the context of the realization of the ideal of justice, identifying the actual needs of members of society, as well as the moral justification of values and determining the persons authorized for such justification is justified. A distinction is made between public opinion and moral position of society. It is argued that the legislator should take into account both public opinion and the moral position of society, but for different reasons and for different purposes.

Keywords: public opinion; legality; justice; legislation; law; morality.

© Н. А. Шавеко, 2022

Статья поступила в редакцию 06.07.2021

При цитировании использовать:

Шавеко Н. А. Общественное мнение и справедливость // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 1. С. 35 – 45. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.035-045